

и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что представленная имъ, на основаніи этихъ источниковъ, исторія послѣднѣшняго періода жизни іудейскаго народа—единогласно достоверная. Намѣченная авторомъ задача выполнена успѣшно. Авторъ привлекаетъ къ дѣлу богатую литературу на иностранныхъ и русскомъ языкахъ и входитъ въ обстоятельное всестороннее обслѣдованіе поставленнаго темою вопроса. Онъ не оставляетъ безъ разсмотрѣнія ни одной болѣе или менѣе важной стороны жизни послѣднѣшняго іудейства, съ любовью, достойною высокой похвалы, входитъ въ разъясненіе всѣхъ условій и обстоятельствъ жизни іудейскаго народа, и представленная имъ исторія этого народа, въ указанный періодъ, оставляетъ въ читателѣ впечатлѣніе обстоятельнаго, всесторонне развитаго, вполне научнаго труда. Со вдумчивостію, характеризующею умѣлаго наблюдателя, онъ устремляетъ свой взоръ въ историческое прошлое іудейскаго народа, и направляемые имъ въ эту даль лучи исторической правды озаряютъ ее (даль) въ истинномъ свѣтѣ, предъ которымъ меркнетъ искусственное освѣщеніе, въ какомъ старается представить это прошлое іудейскаго народа отрицательная критика. Доводы автора отличаются основательностію. Онъ ничего не принимаетъ на вѣру и, раскрывая извѣстное положеніе, старается дойти до его послѣднихъ основаній. Проходящая чрезъ все сочиненіе полемика съ отрицательной критикой ведется авторомъ умѣло и потому не утомляетъ читателя. Съ спокойствіемъ, свойственнымъ человѣку, увѣренному въ правотѣ своего дѣла, авторъ, разъясняя тѣ или другія обстоятельства изъ жизни послѣднѣшняго іудейства, попутно излагаетъ мнѣнія отрицательной критики и, при свѣтѣ научныхъ данныхъ, разоблачаетъ несостоятельность ея притязаній. Авторъ владѣетъ глубокими познаніями въ области ветхозавѣтной библіологіи и, въ борьбѣ съ раціонализмомъ, выступаетъ во всеоружіи науки. Мысль его основательная, послѣдовательная въ своемъ развитіи, способная къ глубокому анализу и широтѣ обобщеній. Облечена она въ вполне литературную форму. Топъ

Журналы.

сочиненія серьезный, соответствующій достоинству обслѣдуемаго предмета.

Но при всѣхъ, отмѣченныхъ нами, достоинствахъ, сочиненіе не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. — Такъ, планъ сочиненія не во всѣхъ своихъ частяхъ отличается надлежащею выработанностію. Стройный въ общемъ, планъ этотъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, нарушается въ своемъ послѣдовательномъ раскрытіи. Въ III главѣ авторъ разрѣшаетъ, между прочимъ, вопросъ о времени выхода іудеевъ изъ Вавилоніи (стр. 126—131). Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна падаетъ на 2-й годъ правленія Кира. Этому же самому вопросу, только въ нѣсколько иной постановкѣ его, авторъ посвящаетъ слѣдующую (IV) главу своего сочиненія. Авторъ придаетъ возможное значеніе гипотезѣ Костерса о неисторичности факта возвращенія іудеевъ во 2-й годъ правленія Кира и критическій разборъ ея, въ связи съ положительнымъ рѣшеніемъ вопроса о времени возвращенія іудеевъ изъ плѣна, помѣщаетъ въ особой, довольно обширной главѣ. Такимъ образомъ объ одномъ и томъ же предметѣ авторъ почему то находитъ необходимымъ говорить въ двухъ главахъ своего сочиненія. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ IV главѣ встрѣчаются повторенія того, что сказано было о времени выхода іудеевъ изъ Вавилоніи въ III главѣ. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы авторъ объединилъ матеріалъ, обработанный имъ въ III и IV главахъ, въ одной главѣ, удѣливъ болѣе мѣста положительному рѣшенію вопроса о времени возвращенія іудеевъ изъ плѣна, чѣмъ полемику съ отрицательными воззрѣніями по данному предмету. При такой постановкѣ дѣла, сочиненіе, въ указанныхъ своихъ частяхъ, выиграло бы въ стройности и уменьшилось бы въ своемъ искусственно раздутomъ объемѣ. Не находитъ же авторъ возможнымъ выдѣлять въ общую главу критическій разборъ гипотезы Шрадера о неисторичности рассказа книги Ездры о построеніи жертвенника (стр. 386 и сл.) и храма (стр. 422 и сл.), не смотря на несомнѣнно важное значеніе сужденій

Шрадера и ихъ вліяніе на западную историко-библейскую литературу?!... Въ VI главѣ своего изслѣдованія авторъ даетъ положительное рѣшеніе вопроса о сооруженіи возвратившимися изъ плѣна іудеями жертвенника и храма и попутно раскрываетъ несостоятельность взгляда Шрадера по этому вопросу. Почему же авторъ отступаетъ отъ этого вполне естественнаго плана, когда касается сужденій Костерса по указанному нами вопросу? Далѣе, намъ кажется неумѣстнымъ трактовать въ III главѣ о пожертвованіяхъ іудеевъ на храмъ (стр. 197—206). Вопросу о сооруженіи возвратившимися изъ плѣна іудеями храма авторъ посвящаетъ особую (VI) главу, гдѣ уместнѣе всего было бы говорить и о пожертвованіяхъ на сооруженіе храма. Отъ этого перемѣщенія указаннаго матеріала изъ одной главы въ другую выигралъ бы въ естественности своего построенія планъ сочиненія. — Нельзя также одобрить слѣдующаго приѣма изслѣдованія автора. Въ видахъ полемики съ мнѣніями отрицательной критики автору необходимо было предвзятельно входить въ изложеніе этихъ мнѣній. Разумѣется, излагать сужденія отрицательной критики автору надлежало въ такой мѣрѣ, въ какой онъ предполагалъ войти въ критическое обслѣдованіе ихъ, въ какой это было необходимо для цѣлей полемики автора, — не больше. Къ сожалѣнію, авторъ не всегда соблюдаетъ чувство мѣры въ данномъ отношеніи. Иногда онъ подробно излагаетъ взгляды отрицательной критики, а самъ ограничивается лишь общимъ опроверженіемъ ихъ. Когда авторъ приводитъ мнѣнія отрицательной критики о писателѣ книги Ездры, онъ старается представить обстоятельную аргументацію ихъ, когда же, въ противовѣсъ критикѣ, высказываетъ свои сужденія о той же, ограничивается простымъ утвержденіемъ защищаемаго положенія или ссылается на голосъ преданія церкви (см. введеніе, стр. VIII—XXII и сл.). Авторъ пространно излагаетъ мнѣнія ученыхъ, выдающихъ въ Шешбацарѣ и Зоровавельѣ имена двухъ различныхъ лицъ (стр. 72—80), а отъ болѣе или менѣе обстоятельной критики этихъ мнѣній

отказывается, ограничиваясь лишь бѣглыми замѣчаніями о нихъ (стр. 89). Автору не слѣдовало бы удѣлять много мѣста изложенію миѣній указанныхъ ученыхъ. Иногда авторъ почему то считаетъ необходимымъ знакомить читателя съ тѣмъ или другимъ взглядомъ отрицательной критики, уклоняясь совершенно отъ оцѣнки его. Авторъ останавливаетъ свое вниманіе на попыткѣ Эвальда примирить показанія первой книги Ездры (I, 8—11) о числѣ сосудовъ, полученныхъ іудеями при возвращеніи изъ плѣна, называетъ эту попытку искусственною (стр. 61—62), но не подвергаетъ ея критическому разбору, не разъясняетъ даже въ общихъ чертахъ, въ чемъ состоитъ эта искусственность. — Изложеніе подлжащихъ оцѣнкѣ взглядовъ страдаетъ у автора, по мѣстамъ, растянутостію, безъ нужды увеличивающею и безъ того внушительный объемъ сочиненія. Къ чему, напр., автору понадобилось, послѣ обобщенія миѣній Сменда, Берто, Штаде и Бертолста о томъ, что Іисусъ, ближайшій сотрудникъ Зоровавеля, не былъ облеченъ властію первосвященника непосредственно послѣ освобожденія іудеевъ изъ плѣна, — приводить сужденія объ этомъ Сменда, Штаде (стр. 354—360)? Нового они ничего не приносятъ и являются, въ сущности, излишнимъ для сочиненія балластомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ считается лишь съ обобщеніемъ ихъ. Еще одинъ примѣръ. Авторъ въ довольно пространномъ обобщеніи говоритъ о томъ, на какомъ основаніи библеисты прежняго времени видѣли въ упоминаемыхъ въ книгѣ Ездры (IV, 6—23) Ахашверошѣ и Артакшаштѣ имена персидскихъ царей Камбиза и Лжемердиза (стр. 602—603). Оставалось только подъ строкой процитовать сочиненія этихъ изслѣдователей и перейти къ разбору ихъ взгляда. Не то мы находимъ у автора. Послѣ указаннаго обобщенія онъ приводитъ пространныя выдержки изъ сочиненій всѣхъ этихъ изслѣдователей и излишними повтореніями лишь утомляетъ вниманіе читателя (стр. 603—606). — Не всегда также удачно авторъ обращается къ обобщеніямъ разсматриваемыхъ имъ взглядовъ тѣхъ или

другихъ изслѣдователей. Авторъ приводитъ несложныя возраженія отрицательной критики противъ книги Ездры, излагаетъ простые сами по себѣ доводы, на основаніи которыхъ Костерсъ отрицаетъ фактъ возвращенія іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ, или же излагаетъ несложную гипотезу Селлина о возвышеніи и паденіи Зоровавеля послѣ окончанія храма и вслѣдъ за этимъ дѣлаетъ обобщеніе отрицательныхъ взглядовъ на книгу Ездры (XIV стр.), представляетъ резюме сужденій Костерса (стр. 223) и Селлина (стр. 654—655, ср. также стр. 550—551). Подобныя обобщенія необходимы въ томъ случаѣ, если они не предполагаются сами собою, если они слѣдуютъ за сложными и потому трудными для усвоенія памятью разсужденіями. Въ такомъ случаѣ они облегчаютъ усвоение подлежащаго обслѣдованію матеріала. Тамъ же, гдѣ эти выводы сами собою предполагаются, гдѣ они слѣдуютъ за несложными, не требующими напряженія памяти, разсужденіями, какъ у автора, въ отмѣченныхъ нами мѣстахъ, тамъ они являются безцѣльнымъ повтореніемъ предыдущаго. — Нельзя не поставить также въ вину автору того, что при изображеніи матеріальнаго быта возвратившихся въ Палестину іудеевъ, онъ отдастъ предпочтеніе догадкамъ, предположеніямъ относительной цѣнности предъ несомнѣнными историческими свидѣтельствами. Авторъ замѣчаетъ, что пророки Аггей и Захарія „даютъ намъ нѣкоторыя черты для освѣщенія заботъ плѣнниковъ (?) объ устройствѣ матеріальнаго положенія (стр. 298)“, вѣтъ не менѣе, при изображеніи матеріальнаго положенія возвратившихся изъ плѣна іудеевъ, авторъ не пользуется свидѣтельствами этихъ пророковъ, а обращается къ разнаго рода догадкамъ (стр. 299—301). Мы не отрицаемъ того, что догадки эти имѣютъ значительную долю вѣроятія, но въ силѣ доказательности онѣ уступаютъ несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Автору слѣдовало прежде всего воспользоваться этими свидѣтельствами, восполнивъ недостающее предположеніями, догадками. — Нельзя не упрекнуть автора также за то, что, при воспроизведеніи нѣко-

торыхъ обстоятельствъ изъ жизни іудеевъ, онъ нарушаетъ законы исторической перспективы. Нѣкоторымъ событіямъ изъ исторіи послѣдствіаго іудейства онъ придаетъ несоотвѣтствующій ростъ, а другія событія умалаетъ, какъ бы затупевываетъ. Авторъ впадаетъ въ преувеличеніе, когда описываетъ впечатлѣніе, произведенное на плѣнныхъ іудеевъ эдиктомъ Кира. „Едва ли можно и описать, говоритъ авторъ, какое возбужденіе произвелъ среди плѣнниковъ эдиктъ Кира, позволявшій имъ не только возвратиться въ Палестину, что составляло постоянный предметъ ихъ желаній и пророческихъ обѣщаній, но и построить при помощи царскихъ суммъ ихъ разрушенное святилище—этотъ религіозно-національный центръ ихъ жизни и исторіи. Картина прежней жизни ихъ отцовъ въ землѣ обѣтованія должна была ясно пройти предъ мысленнымъ взоромъ плѣнниковъ послѣ объявленія царскаго эдикта, и еще въ болѣе привлекательныхъ чертахъ должна была имъ представляться картина будущей исторіи, когда опять начнется національно-теократическая жизнь съ относившимися къ ней радостными пророческими предсказаніями и мессіанскими надеждами (стр. 54)“. Читая эти строки, можно подумать, что эдиктъ Кира произвелъ на плѣнныхъ іудеевъ такое неотразимое впечатлѣніе, что они безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, снялись съ ненавистныхъ имъ мѣстъ поселеній и направились въ страну своихъ отцовъ. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, дѣло было не такъ. Многіе изъ плѣнныхъ іудеевъ—и нельзя сказать, что бы это была худшая часть ихъ—не пожелали воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ переселенія въ Палестину, а другіе, хотя и воспользовались имъ, но значительно поздиѣ. Авторъ (съ умысломъ или безъ умысла—не беремся судить) затупевываетъ это обстоятельство. Онъ только вскользь, мимоходомъ, при исчисленіи драгоцѣнныхъ сосудовъ, доставшихся возвратившимся изъ плѣна іудеямъ, упоминаетъ, что непожелавшихъ возвратиться въ Палестину было много (стр. 65), а въ другомъ мѣстѣ, уже въ

слѣдующей главѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи, дѣласть нѣсколько общихъ замѣчаній о числѣ непожелавшихъ покинуть Вавилонія іудеевъ и о мотивахъ, побудившихъ ихъ къ этому (135—136 стр.).—Слабую сторону сочиненія составляетъ также наклонность автора къ многословію. Авторъ любитъ уснащать свою рѣчь выдержками изъ иностранныхъ авторовъ въ ихъ подлинникѣ (нѣсколько не типичными, впрочемъ, что бы стоило ихъ приводить) и въ переводѣ на русскій языкъ. Такъ, мы у него читаемъ: „nach Esra—послѣ Ездры (стр. X и XXII)“, „всего поразительнѣе—dangerous (стр. XIII)“, „вскорѣ послѣ прибытія каравана въ Палестину—unmittelbar nach der Kücker ehe die Karawane sich auflöste (стр. 139)“, опорный пунктъ—point de vue—Standort (стр. 252)“, „предписаніе—Vorschrift“, „требованіе—Forderung (стр. 311)“, „такъ можетъ показаться—So könnte es scheinen (стр. 426)“, „непосредственные свидѣтельства—unmittelbare Zeugnisse (стр. 678)“, „несомнѣнно мы не имѣемъ никакого историческаго замѣчанія о возвышеніи Зоровавеля—Dass wir keine unmittelbare historische Notiz über Erhebung und Sturz Serubbabels besitzen, ist gewiss (стр. 680)“. Авторъ многорѣчивъ тамъ, гдѣ можно было бы быть кратче и, напротивъ, онъ упорно хранитъ молчаніе тамъ, гдѣ слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя разъясненія. Неоднократно приводимый имъ терминъ „Ichstücke“ (стр. XII, XXII, 154), употребляемый нѣкоторыми нѣмецкими авторами, не настолько простъ, что бы не нуждался въ соотвѣствующихъ разъясненіяхъ. Тѣмъ же характеромъ многословія запечатлѣна и цитація автора. Въ концѣ введенія у автора приведенъ полный перечень пособій, которыя у него были подъ руками. Поэтому въ сочиненіи онъ могъ ограничиться лишь самыми краткими указаніями на труды авторовъ, которыми онъ пользовался. Выѣсто этого, мы встрѣчаемся у него, каждый разъ, съ подробнѣйшими цитатами, какъ будто бы онѣ приводятся у него лишь впервые.—Встрѣчаются въ сочиненіи промахи въ области исторіи, хронологіи и географіи, объясняю-

щієся, на нашъ взглядъ, простымъ недосмотромъ со стороны автора. Саргона и Сеннахерима авторъ считаетъ персидскими (?) царями (стр. XXVII). При Димитріи II Никаторѣ въ Палестинѣ, по автору, было ассирійское (?) господство (стр. 191). За 537 годомъ до Р. Хр. слѣдовалъ, по автору, 538 (?) годъ (стр. 438). Вавилонскую монархію авторъ помѣщаетъ на территоріи Малої (?) Азіи (стр. 12).—Переписка сочиненія также оставляетъ желать многого. Чтеніе сочиненія затрудняется отсутствіемъ, по мѣстамъ, знаковъ препинанія, описками, пропусками (стр. 77, 78) и смѣшеніемъ (вм. „внѣшней“ написано „внутренней“, стр. 104; вм. „іудейской“—„персидской“, стр. 104; вм. „возвращеніе партіями“—„партійное возвращеніе“, стр. 205; вм. „статистикъ“—„статистъ“, стр. 166) словъ. Очевидно, авторъ отнесся къ переписчику съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ онъ того заслуживалъ.

Отмѣченные нами недостатки сочиненія могутъ быть до нѣкоторой степени оправданы обиліемъ матеріала, подлежащаго обслѣдованію. При печатаніи сочиненія, дефекты эти, на нашъ взглядъ, могутъ быть устранены, и, своими указаніями на нихъ, мы желали придти на помощь автору въ этомъ дѣлѣ, но отнюдь не имѣли въ виду умалять научную цѣнность его труда, несомнѣнныя достоинства котораго даютъ автору его безспорное право на полученіе степени магистра богословія“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Θ. Покровскаго:

„Соотвѣтственно темѣ сочиненіе г. Попова состоитъ, кромѣ введенія, изъ двухъ частей изслѣдованія. Во *введеніи*, послѣ указанія современнаго интереса предмета сочиненія, говорится объ источникахъ, задачѣ, методѣ и планѣ сочиненія и въ концѣ сообщается перечень важнѣйшихъ пособій. Въ *первой* части изслѣдованія говорится о возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна, именно, объ освобожденіи іудеевъ изъ вавилонскаго

плѣна Киромъ (гл. 1), о предводителѣ перваго каравана освобожденныхъ отъ плѣна іудеевъ и первомъ областеначальникѣ персидской провинціи Іудеи (гл. 11), о выступленіи іудеевъ изъ Вавилоніи, ихъ приходѣ въ Палестину и поселеніи въ ней (гл. III); заканчивается первая часть критическимъ разборомъ гипотезы Костерса о неисторичности факта возвращенія іудеевъ при Кирѣ (гл. IV). Во *второй* части говорится о первыхъ годахъ жизни іудеевъ въ Палестинѣ по возвращеніи изъ плѣна до прибытія Ездры въ Іерусалимъ, именно: объ отношеніи возвратившейся общины къ сосѣднимъ народамъ и устройствѣ ея политическомъ и религіозномъ (гл. V), о сооруженіи возвратившимися іудеями жергвенника и основаніи ими храма въ связи съ исторіей его постройки до второго года царствованія Дарія Гистаспа (гл. VI), о возобновленіи работъ по постройкѣ храма во 2-й годъ Дарія Гистаспа и постройкѣ его съ этого момента времени до окончанія (гл. VII) и наконецъ о періодѣ іудейской исторіи отъ окончанія храма до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (гл. VIII).

Уже изъ этого голаго перечня заголовковъ главъ видна содержательность разсматриваемаго нами сочиненія. Она еще виднѣе изъ болѣе подробнаго обозначенія содержанія, посылаемаго авторомъ каждой главѣ изслѣдованія. Интересъ изслѣдуемыхъ авторомъ вопросовъ о возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна и первыхъ годахъ ихъ жизни въ Палестинѣ не подлежитъ сомнѣнію. Сама по себѣ трудные для рѣшенія, по причинѣ скудости нужныхъ свѣдѣній, указанные вопросы теперь еще болѣе затрудняются рѣшеніемъ ихъ въ значительной части современной библейско-исторической литературы. Съ легкой руки Шрадера, помѣстившаго въ журналѣ „Theologische Studien und Kritiken“ за 1867 г. статью „Die Dauer des zweiten Tempelbaues“, въ которой онъ доказывалъ, что основаніе втораго храма положено было не во 2-годъ по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ, а во 2-й годъ царствованія Дарія Гистаспа, конецъ плѣна вавилон-

скаго и послѣднѣйшій періодъ библейской исторіи нашли большое число изслѣдователей, при чемъ въ результатѣ оказалось отрицаніе подлинности библейскихъ источниковъ свѣдѣній объ этомъ времени, книгъ Ездры и Нееміи, и полная перестановка описанныхъ въ нихъ событій: вмѣсто общепринятаго порядка: а) возвращеніе іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ, б) построеніе храма и в) построеніе стѣнъ Іерусалима при Нееміи, теперь ставятъ: а) построеніе храма оставшимися отъ плѣна въ страцѣ іудеями, б) возстановленіе стѣнъ Іерусалима при Нееміи и в) приходъ іудеевъ въ Палестину съ Ездрой (возвращеніе іудеевъ при Кирѣ съ Зоровавелемъ и первосвященникомъ Іисусомъ во главѣ отрицается). Мы не говоримъ уже о болѣе частныхъ вопросахъ, рѣшаемыхъ вѣдѣйшими критиками иначе, чѣмъ какъ они должны рѣшаться на основаніи библейскихъ данныхъ. Такое положеніе дѣла должно было естественно остановить на себѣ вниманіе автора. И онъ дѣйствительно останавливается на немъ съ полною внимательностію. Такъ уже во введеніи онъ защищаетъ подлинность книгъ—1-й Ездры и Нееміи, особенно первыхъ шести главъ книги Ездры. Окончаніе плѣна вавилонскаго и послѣднѣйшій періодъ, въ отмѣченныхъ его темою рамкахъ, онъ представляетъ согласно съ общепринятымъ на нихъ взглядомъ, опирающимся на библейскія данныя. Но такъ какъ почти каждое его положеніе встрѣчаетъ иное рѣшеніе со стороны критики, то онъ приводитъ возраженія критики и именно сначала болѣе полно, а потомъ въ общихъ положеніяхъ, послѣ чего и подвергаетъ ихъ самому тщательному критическому разбору. Такое веденіе дѣла можетъ, пожалуй, навлечь на автора обвиненіе въ частыхъ повтореніяхъ себя; но зато оно помогаетъ хорошо читателю понять сущность возраженій, а съ тѣмъ вмѣстѣ легче судить и о силѣ отвѣта на нихъ. Полнота возраженій, приводимыхъ авторомъ, говоритъ о хорошемъ его знакомствѣ съ литературою предмета сочиненія, а критика возраженій и защита своихъ положеній, свидѣтельствуя о томъ же, говорятъ и о хорошемъ

знакомствѣ съ источниками и сильной критической мысли. Каждое положеніе автора проходить чрезъ такое горнило испытанія. Благодаря этому читатель получаетъ изъ сочиненія автора не только положительное представленіе о времени и событіяхъ, въ немъ разсматриваемыхъ, но и знакомится съ отрицательными взглядами на нихъ и именно въ критическомъ ихъ освѣщеніи. Хотя чрезъ все сочиненіе проходить такимъ образомъ критика непринимаемыхъ авторомъ взглядовъ, тѣмъ не менѣе тонъ сочиненія вездѣ спокойный и ровный, вполне приличный ученому изслѣдованію. Языкъ сочиненія хорошій; неудобоваримыя иностранныя слова, въ родѣ—*ichstücke*, встрѣчаются очень рѣдко. Можно пожалѣть о томъ, что переписчикъ допустилъ, а авторъ просмотрѣлъ достаточное количество всякаго рода опісокъ, которыя впрочемъ легко могутъ быть исправлены при печатаніи. Можно указать нѣкоторыя, впрочемъ, незначительныя фактическія неточности.

Какъ освѣщающее хорошо одинъ изъ наиболѣе темныхъ періодовъ библейской исторіи, сочиненіе г. Попова вносить собою значительный вкладъ въ русскую библейско историческую литературу. Авторъ его заслуживаетъ вполне удостоенія его ученой степени магистра богословія“.

Справка: В. Поповъ окончилъ курсъ наукъ Академіи въ іюнѣ 1902 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, по переработкѣ, согласно указаніямъ рецензентовъ, написаннаго имъ курсового сочиненія.

Постановили: Рукописное сочиненіе преподавателя Воронежской духовной семинаріи, кандидата богословія Василія Попова „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)“, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и, на основаніи указа Св. Синода отъ 27 іюля 1884

года за № 2482, напечатать его на счет особо ассигнуемой 17 ст. штата дух. акад. суммы, съ тѣмъ, чтобы при печатаніи онъ исправилъ свое сочиненіе согласно съ сдѣланными въ отзывѣхъ замѣчаніями. По напечатаніи означеннаго сочиненія и заслушаніи въ Совѣтѣ одобрительныхъ со стороны членовъ Совѣта отзывовъ допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквиумѣ, послѣ чего имѣть окончательное сужденіе объ удостоеніи его магистерской степени, на основаніи § 136 Уст. дух. акад.“

V. Отношеніе Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свияжскаго, отъ 17 сентября сего года за № 2564: „За присланные мнѣ 10 экземпляровъ продолженія изданія: Акты и документы, относящіеся къ исторіи Киевской Академіи (Отдѣленіе II. Т. I. Часть II)—выражаю Академіи мою глубокую благодарность.

Радуюсь, что изданіе подвигается впередъ.

Съ своей стороны препровождаю въ Совѣтъ Академіи продолженіе моего денежнаго взноса (500 р.) на расходы по изданію“.

Постановили: Жертвуемые Высокопреосвященнымъ Димитріемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свияжскимъ, пятьсотъ рублей въ дополненіе къ 5000 рублей, пожертвованнымъ имъ уже на изданіе Актовъ по исторіи Академіи и ученаго академическаго Синодика, принявъ на расходы по предположеннымъ изданіямъ. О полученіи означенныхъ денегъ увѣдомить Высокопреосвященнаго Димитрія съ выраженіемъ глубокой благодарности.

VI. Докладъ секретаря Совѣта: „По 91 § Уст. дух. акад., Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія Академіи, въ которомъ читается извлеченіе изъ отчета, составленнаго однимъ изъ членовъ Совѣта и Правленія, и произносится однимъ изъ наставниковъ Академіи рѣчь. О семъ имѣю

честь доложить Совѣту для назначенія дня торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1905 году и для избранія лицъ, на которыхъ возложено будетъ составленіе къ тому времени актовъ рѣчи и отчета о состояніи Академіи за текущій учебный годъ“.

Постановили: Для торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1905 году назначить 26 сентября. Составленіе къ этому времени годичнаго отчета возложить на члена Совѣта и Правленія Н. Петрова, а составленіе рѣчи поручить исправляющему должность доцента В. Экземплярскому, которому и сообщить о семъ съ поясненіемъ, что онъ какъ тему, которую изберетъ для своей рѣчи, такъ и самую рѣчь, по изготовленіи ея, заблаговременно долженъ представить Ректору Академіи.

VII. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ сентябрь текущаго года:

А) по болѣзни: а) по догматическому богословію исполняющимъ обязанности инспектора, заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 3 л. (24, 27 и 29 ч.); б) по логикѣ и метафизикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ П. Линицкимъ 2 л. (15 ч.); в) по русскому языку и исторіи русской литературы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (21 ч.); г) по психологіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Олесницкимъ 3 л. (25, 27 и 28 ч.); экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ по педагогикѣ 2 л. (23 и 25 ч.) и по пастырскому богословію 1 л. (27 ч.); Б) по нахожденію въ отпускѣ: по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ, протоіереемъ І. Корольковымъ 10 л. (16, 21, 23, 28 и 30 ч.); В) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ

ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 2 л. (17 ч.); б) по священному писанію ветхаго завіта экстраординарнымъ профессоромъ В. Рыбинскимъ 2 л. (17 ч.)^а.

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Докладъ секретаря Совѣта: „Въ 100 § Уст. дух. акад. поименовано 11 наукъ, обязательно изучаемыхъ всѣми студентами, а изъ прочихъ предметовъ академическаго курса въ 101 § составлены двѣ параллельныя группы—литературная и историческая, предоставленныя выбору студентовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ одного изъ двухъ древнихъ и одного изъ трехъ новыхъ языковъ. Вслѣдствіе сего канцеляріей Академіи сданы были особые листы для собственноручной записи студентовъ I курса на одну изъ двухъ параллельныхъ группъ наукъ съ обозначеніемъ также избираемаго для изученія одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

По группамъ наукъ студенты I курса распредѣлялись такимъ образомъ:

На *первой* или литературной группѣ 25 студентовъ: Архангеловъ Григорій, Астровъ Сергѣй, Васильевъ Александръ, Викторовскій Григорій, Власовскій Иванъ, Гладкій Александръ, Громадскій Александръ, Діомидовъ Сергѣй, Дмитровскій Михаилъ, Еня Николай, Колосовъ Сергѣй, Кудрявцевъ Сергѣй, Ласточкинъ Николай, Матусевичъ Леонидъ, Митродскій Михаилъ, Новоденскій Владиміръ, Павловскій Григорій, Преображенскій Василій, Садовскій Евгеній, Сасинъ Михаилъ, Снѣгиревъ Викторинъ, Соболевъ Валеріанъ, Тихвинскій Викторъ, Чистяковъ Василій, Ѳетисовъ Николай.

На *второй* или исторической группѣ 23 студента: Абу-Хатабъ Григорій діаконъ, Безобразовъ Сергѣй, Великославинскій Александръ, Вознесенскій Викторъ, Евѣимій (Сапунджіевъ)

ієрод., Ефремовъ Митрофанъ, Ивановъ Бончо, Илюхинъ Николай, Іосифъ (Николовъ) ієрод., Каменскій Владиміръ, Кедровъ Павелъ, Куршунжи Дмитрій, Леонидовъ Николай, Маньковский Николай, Мубайедъ Антоній діаконь, Никитинъ Николай, Никитскій Викторъ, Олтаржевскій Григорій, Павловичъ Василій, Петровъ Викторъ, Сідауи Василій діаконь, Уловичъ Филимонъ, Шебатинскій Константинъ.

По классамъ древнихъ языковъ расположились такъ:

а) на *греческій* языкъ записалось 24 студента: Абу-Хатабъ Григорій діаконь, Архангеловъ Григорій, Власовскій Иванъ, Гладкій Александръ, Громадскій Александръ, Діомидовъ Сергѣй, Дмитровскій Михайль, Евѣмій (Сапунджіевъ) ієрод., Ивановъ Бончо, Илюхинъ Николай, Іосифъ (Николовъ) ієрод., Кедровъ Павелъ, Куршунжи Дмитрій, Ласточкинъ Николай, Маньковский Николай, Митроцкій Михайль, Мубайедъ Антоній діаконь, Олтаржевскій Григорій, Садовскій Евгеній, Сідауи Василій діаконь, Тихвинскій Викторъ, Чистяковъ Василій, Шебатинскій Константинъ, Өетисовъ Николай.

б) на *латинскій* языкъ 24 студента: Астровъ Сергѣй, Безобразовъ Сергѣй, Васильевъ Александръ, Великославинскій Александръ, Викторовскій Григорій, Вознесенскій Викторъ, Еня Николай, Ефремовъ Митрофанъ, Каменскій Владиміръ, Колосовъ Сергѣй, Кудрявцевъ Сергѣй, Леонидовъ Николай, Матусевичъ Леонидъ, Никитинъ Николай, Никитскій Викторъ, Новоденскій Владиміръ, Павловичъ Василій, Павловскій Григорій, Петровъ Викторъ, Преображенскій Василій, Сасинъ Михайль, Сибгиревъ Викторинъ, Соболевъ Валеріанъ, Уловичъ Филимонъ.

На классы новыхъ языковъ записались:

а) на *нѣмецкій* языкъ 30 студентовъ: Архангеловъ Григорій, Великославинскій Александръ, Викторовскій Григорій, Власовскій Иванъ, Вознесенскій Викторъ, Гладкій Александръ, Діомидовъ Сергѣй, Дмитровскій Михайль, Ефремовъ Митрофанъ, Ивановъ Бончо, Куршунжи Дмитрій, Ласточкинъ Ни-

колай, Леонидовъ Николай, Маньковский Николай, Матусевичъ Леонидъ, Митроцкій Михаилъ, Никитинъ Николай, Никитскій Викторъ, Новоденскій Владиміръ, Олтаржевскій Григорій, Павловичъ Василій, Павловскій Григорій, Петровъ Викторъ, Преображенскій Василій, Сасинъ Михаилъ, Снѣгиревъ Викторъ, Тихвинскій Викторъ, Уловичъ Филимонъ, Чистяковъ Василій, Шебатинскій Константинъ.

б) на *французскій* языкъ 17 студентовъ: Абу-Хатабъ Григорій діаконъ, Астровъ Сергѣй, Васильевъ Александръ, Громадскій Александръ, Евѣимій (Сапунджіевъ) іерод., Еня Николай, Илюхинъ Николай, Іосифъ (Николовъ) іерод., Каменскій Владиміръ, Кедровъ Павелъ, Колосовъ Сергѣй, Кудрявцевъ Сергѣй, Мубайедъ Антоній діаконъ, Садовскій Евгенийъ, Сидауи Василій діаконъ, Соколовъ Валеріанъ, Ѳетисовъ Николай.

в) на *англійскій* языкъ 16 студентовъ: Астровъ Сергѣй, Безобразовъ Сергѣй, Великославинскій Александръ, Вознесенскій Викторъ, Громадскій Александръ, Дмитровскій Михаилъ, Каменскій Владиміръ, Кудрявцевъ Сергѣй, Куршунжи Дмитрій, Никитинъ Николай, Павловичъ Василій, Петровъ Викторъ, Преображенскій Василій, Уловичъ Филимонъ, Шебатинскій Константинъ, Ѳетисовъ Николай.

Постановили: Подписные листы приобщить къ дѣламъ, сдѣлавъ предварительно соотвѣтствующія отмѣтки въ общемъ алфавитномъ спискѣ студентовъ I курса. Затѣмъ таковой списокъ отпечатать въ потребномъ количествѣ для г.г. наставниковъ, для экзаменаціонныхъ комиссій и для разныхъ потребностей инспекціи и канцеляріи Академіи на четыре учебныхъ года

На семь журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 октября 1904 г. Читаль“.

1904 года 12 октября.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова, находящагося въ отпускѣ, экстраординарнаго профессора А. Булгакова, не бывшаго въ собраніи по причинѣ болѣзни, ординарнаго профессора В. Завитневича и экстраординарнаго профессора Д. Богдашевского, не бывшихъ по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающихся ихъ дѣлъ.

Слушали: 1. Отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина о сочиненіи ординарнаго профессора В. Завитневича подъ заглавіемъ: „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ“ (Кіевъ, 1902 г.), представленномъ на соисканіе первой юбилейной преміи имени Митрополита Московскаго Макарія:

„Разсматриваемый трудъ, по собственному признанію автора, есть плодъ десятилѣтней работы и вызванъ попыткой „ознакомиться съ положеніемъ въ наукѣ вопроса о значеніи первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія народности и само бытности“ (Введ. І). Ближайшее изученіе не замедлило убѣдить автора въ исключительномъ положеніи Хомякова въ ряду не только первыхъ, но и послѣдующихъ славянофиловъ во первыхъ по трудности, „пониманія его“, во вторыхъ по тому, что у него наблюдается „цѣльное, округленное міровоззрѣніе съ своей особой гносеологіей и онтологіей, въ тѣсной, органической связи съ которыми“ находятся „его богословскія и соціально-историческія воззрѣнія“ (Ibid). Въ свою очередь тщательное изученіе литературы предмета и особенно первоисточниковъ выяснило, что о славянофилахъ и ихъ міровоззрѣніи доселѣ существуетъ въ наукѣ лишь смутное понятіе, доходящее до искаженія основныхъ положеній ихъ ученія, напр. ихъ отношенія къ религіи и къ западноевропейской образованности. Утверждали, что „славянофилы ненавидѣли западъ и западное про-

Журналы.

свѣщеніе, что оны не цѣнили успѣховъ матеріальной культуры, что оны восхваляли все свое старорусское и цѣликомъ отрицали реформы Петра Великаго, что оны требовали возвращенія къ старымъ формамъ жизни и проч. и проч.“ (Ibid стр. VI). По мнѣнію автора, недоразумѣнія этого рода могутъ быть разсѣяны только основательнымъ изученіемъ каждаго отдѣльнаго представителя славянофильства, его дѣятельности и ученія. Авторъ дѣлаетъ посильный починъ этой работы, остановившись, по указаннымъ причинамъ, на изученіи дѣятельности и міровоззрѣнія А. С. Хомякова. Таковы причины и обстоятельства возникновенія разсматриваемаго сочиненія проф. Завитневича.

Соотвѣтственно своей задачѣ изслѣдованіе должно состоять изъ двухъ томовъ, изъ которыхъ первый долженъ въ свою очередь состоять изъ трехъ книгъ. Такимъ образомъ все изслѣдованіе должно состоять изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ вышло въ свѣтъ доколѣ лишь двѣ книги перваго тома, слѣдовательно около половины предполагаемаго. Впрочемъ и напечатанное представляетъ собою трудъ, почтенный уже по своему объему, всего 1422 страницы кромѣ введенія и оглавленій.

Въ каждомъ изслѣдованіи существенное значеніе имѣетъ планъ. Отъ него не рѣдко зависитъ не только достоинство изложенія предмета, но и самого изслѣдованія; такъ какъ при томъ или иномъ планѣ могутъ выступать въ ненадлежащей полнотѣ частности и затупевываться существенное. Проф. Завитневичъ замѣчаетъ, что въ основу плана имъ „положено два начала: хронологическая послѣдовательность въ изображеніи событій и группировка данныхъ по ихъ внутреннему содержанию“. Онъ не находитъ возможнымъ употребить „обычный біографическій методъ“, во первыхъ въ слѣдствіе крайней скудости данныхъ біографіи Хомякова, во вторыхъ въ слѣдствіе тѣсной связи между жизнію, общественною и научно-литературною дѣятельностію его и наконецъ въ слѣдствіе крайняго разнообразія этой дѣятельности, на основаніи чего „сочиненіе,

посвященное изученію жизни и трудовъ Хомякова, построенное по одному хронологическому методу, представляло бы изъ себя нѣчто въ родѣ механическаго набора фактовъ, въ хаосѣ которыхъ вообще трудно было бы разобраться“ (стр. IX введ.) и „ускользнула бы отъ вниманія самаго внимательнаго читателя“ „идейная сторона дѣятельности Хомякова“, заслуживающая наиболѣе вниманія серьезнаго историка (Ibid). Последнее безспорно; но первая аргументація не вполне удовлетворительна. Если дѣятельность Хомякова, какъ писателя, непосредственно сливается съ его жизнію, то біографическій способъ изложенія наиболѣе примѣнимъ. Что касается до данныхъ научно-литературной дѣятельности, то изложеніе ея содержанія соотвѣтственно біографіи, кромѣ трудности установить всякій разъ хронологію этихъ данныхъ, можетъ повести къ повторенію, котораго впрочемъ можно избѣжать.

Послѣ введенія, составляющаго 16 страницъ особаго счета, слѣдуетъ обстоятельный обзоръ „источниковъ и литературы предмета“. На первомъ мѣстѣ названы воспоминанія современниковъ, обычно очень благопріятныя для памяти А. С. Хомякова. Исключеніе составляетъ отзывъ извѣстнаго историка С. М. Соловьева. Нельзя сказать, чтобы проф. Завитневичъ отнесся къ этому отзыву очень мягко,—на что, какъ намъ кажется, давали право заслуги Соловьева,—ни того, что не благопріятный взглядъ Соловьева на Хомякова получилъ достаточное объясненіе. Замѣчаніе, что Соловьевъ принялъ на себя въ данномъ случаѣ роль „великосвѣтской кумушки“, настолько сильно, что его слѣдовало непременно подтвердить разборомъ личныхъ отношеній Соловьева и Хомякова и свойствомъ нравственной личности „знаменитаго историка“, какъ называетъ его проф. Завитневичъ. Это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать, что съ тѣмъ вмѣстѣ точнѣе и полнѣе установилась бы нравственная сторона изучаемаго писателя.

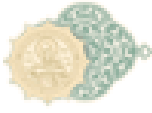
Наиболѣе важный источникъ для біографіи А. С. Хомякова и оцѣнки его личности составляютъ сочиненія его, стихо-

творныя и прозаическія. Проф. Завитневичъ замѣчаетъ, что стихотворныя сочиненія чаще всего предшествовали прозаическимъ и писались, какъ у истинныхъ поэтовъ, по вдохновенію, подъ вліяніемъ потребности минуты“ (I, стр. 12). Отсюда вытекаетъ важность ихъ для біографіи Хомякова. Полнаго собранія стихотворныхъ сочиненій Хомякова доселѣ не имѣется. Изъ болѣе или менѣе безспорныхъ стихотворныхъ сочиненій изучаемаго автора проф. Завитневичу извѣстно 93 (I, стр. 51—58) и до 10 вѣроятныхъ (Ibid. стр. 58).

Второй важный источникъ для изученія жизни и дѣятельности Хомякова представляютъ его письма, которыхъ сохранилось свыше 130, если отнести къ ихъ числу трактаты по разнымъ предметамъ, писанные также въ формѣ писемъ. Это несомнѣнно не все, что дѣйствительно написано Хомяковымъ при всей его извѣстной лѣни и папирофобіи. Кое что утрачено по обычной небрежности къ сохраненію писемъ, а кое что и притомъ наиболѣе существенное зачтано было знакомыми и пріятелями лицъ, съ которыми Хомяковъ состоялъ въ перепискѣ. Но самымъ важнымъ источникомъ безъ сомнѣнія являются прозаическія сочиненія Хомякова, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ его Семирамида или Записки о всеобщей исторіи, представляютъ трудъ обширный по объему. Ни одинъ изъ указанныхъ источниковъ до указанного времени не былъ изученъ надлежащимъ образомъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является неустановленность взгляда на личность и дѣятельность Хомякова, даже прямое искаженіе его воззрѣній. Это искаженіе тѣмъ легче и естественнѣе, что у Хомякова встрѣчаются мысли и выраженія парадоксальныя. Поэтому при добромъ желаніи можно подобрать достаточно выдержекъ, подтверждающихъ самыя ошибочныя сужденія по поводу тѣхъ или иныхъ воззрѣній Хомякова.

Введеніе заканчивается перечнемъ стихотворныхъ сочиненій Хомякова, его писемъ, прозаическихъ сочиненій, вошедшихъ и не вошедшихъ въ собранія его сочиненій.

Первая глава знакомить съ біографіей Хомякова. Задача автора состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи имѣющихся данныхъ, воспоминаній, свидѣтельствъ современниковъ и переписки Хомякова съ родными и близкими людьми возстановить его дѣтство и постепенное образованіе его нравственной личности и міровоззрѣнія. Всего менѣе мы узнаемъ о раннемъ дѣтствѣ Хомякова, его воспитаніи въ семьѣ. Видно только, что на образованіе и воспитаніе его было обращено должное вниманіе; видно также, что преобладающее вліяніе принадлежало умной и энергичной матери, представлявшей собою прекрасный типъ русской женщины—патріотки, которая сохранила „вѣру въ Россію и любовь къ ней... болѣла и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ“ (I, стр. 82). Мечтательный отъ природы, молодой Хомяковъ отдается впечатлѣніямъ общественной и политической жизни, 17 лѣтъ бѣжитъ изъ родительскаго дома съ 50 рублями ассигнаціи въ карманѣ, чтобы отправиться въ Грецію и принять участіе въ борьбѣ грековъ за свободу. Но видна въ немъ и очень молодая сдержанность. Такъ, хорошо знакомый съ декабристами: Рылѣевымъ и Одоевскимъ, онъ отнесся совершенно отрицательно къ ихъ замысламъ. Не безъ вліянія мечты, нужно полагать, опредѣлилось поступленіе въ военную службу, гдѣ молодому человѣку грезилось безсмертіе въ потомствѣ путемъ славныхъ подвиговъ вмѣсто безславной смерти отъ старости. Но истинной охраной Хомякова въ жизни было твердое религиозно-нравственное воспитаніе и широкое образованіе, приумноженное исключительною начитанностію. Благодаря одному и другому, Хомяковъ съ ранней молодости отличался нравственною выдержкою и могъ поддерживать тѣсныя дружескія отношенія съ представителями тогдашней интеллигенціи и занять среди нихъ почетное мѣсто, поражать обширностью познаній и независимостью сужденій. Отсутствіе свидѣтельствъ о томъ, что внутренне переживалъ Хомяковъ въ пору молодости, авторъ восполняетъ разборомъ стихотвореній и производитъ

этотъ разборъ тщательно и искусно; но опускаетъ изъ виду, что матеріаломъ этого рода нужно пользоваться осмотрительно. Не все въ стихотворныхъ произведеніяхъ имѣетъ безспорное автобіографическое значеніе, какъ писанное въ подражаніе и въ принятомъ направленіи не только мысли, но и чувства. Вотъ почему ни въ письмахъ самого Хомякова, ни въ воспоминаніяхъ друзей его мы не находимъ тѣхъ указаній на внутреннюю жизнь и борьбу, о которыхъ встрѣчается свидѣтельство въ его стихотвореніяхъ. Самъ проф. Завитневичъ признаетъ, что скорбь и разочарованіе въ жизни, мало извѣданныя поэтомъ жизненно, явились у него плодомъ историческихъ наблюденій (I, стр. 125—126). При такомъ пониманіи дѣла объясняется свидѣтельство современниковъ, что Хомяковъ не измѣнялся въ жизни, что онъ „въ молодости былъ тѣмъ, чѣмъ они знали его потомъ въ зрѣломъ возрастѣ“ (I, стр. 130—131). Сознательная вѣра періода написанія богословскихъ трактатовъ была только послѣдовательнымъ разъясненіемъ содержанія твердаго религіознаго чувства, воспитаннаго въ дѣтствѣ. Толкованіе стихотвореній не обходится и безъ натяжекъ. Такъ, разбирая стихотвореніе Хомякова „Клинокъ“, писаннаго въ 1829 году, авторъ въ заключеніи его находитъ указаніе на мысль поэта „объ освобожденіи русской жизни отъ покрывающей ея поверхность блестящей иноземной мишуры и необходимости возвращенія ея къ началамъ простой, но крѣпкой своею внутреннею силою родной старины“ (I, стр. 144). Ни одинъ безпристрастный читатель, не заинтересованный нарочито въ этомъ выводѣ, не сдѣлаетъ его изъ слѣд. стиховъ:

Такъ не бросай клинка стального
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

Достаточно сопоставить это стихотвореніе съ стихотвореніемъ того же Хомякова „Россія“, гдѣ онъ выражается: „не

вѣрно злато, сталь хрупка“, чтобы потерять право подѣ стальнымъ клинкомъ разумѣть Русь.

Нельзя назвать счастливою и защиту трагедіи Хомякова „Ермакъ“. Художественнаго значенія она не имѣетъ никакого; несомнѣнно въ ней и вліяніе Шиллера, какъ вѣрно отмѣтили это не одинъ Бѣлинскій, но и Погодинъ. Если можно указать здѣсь вѣрную психологическую черту, то развѣ довѣрчивость высокой благородной души, неспособной на мелкую подозрительность. Преувеличивается нашимъ авторомъ и достоинство „Димитрія Самозванца“, второй трагедіи Хомякова. Что здѣсь авторъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ версификаціи, въ обрисовкѣ отдѣльныхъ лицъ,—это безспорно; но все же трагедія истинно художественнаго значенія не имѣетъ, рѣчь не утратила напыщенности и риторичности; характеры обрисованы слабо; замыслы Самозванца страдаютъ сочиненностью и скорѣе отражаютъ идеалы самого автора, чѣмъ дѣйствительность; рѣчи дѣйствующихъ лицъ страдаютъ натянутостью и растянутостью. Какая разница между „Димитріемъ Самозванцемъ“ Хомякова и „Борисомъ Годуновымъ“ Пушкина, хотя обѣ піесы близки по своему содержанію!

Гораздо интереснѣе попытка автора прослѣдить зарожденіе и выработку взглядовъ Хомякова на отношеніе Россіи къ славянству, на достоинство самой Руси, особенно древней, и на отношеніе къ западной Европѣ и къ ея просвѣщенію.

На отношеніе Хомякова къ славянству не осталось безъ вліянія его путешествіе за границу, предпринятое имъ въ 1825—1826 гг. На обратномъ пути онъ объѣхалъ земли западныхъ славянъ (I, стр. 105). Это знакомство было существенно восполнено въ Турецкую войну, которой онъ былъ непосредственнымъ участникомъ. Впечатлѣнія этой встрѣчи съ славянами были воспроизведены самимъ Хомяковымъ много позже въ письмѣ 1847 года, гдѣ онъ бытъ славянъ находитъ близкимъ къ русскому, а отношенія славянъ къ нему лично братскими (I, стр. 107). Въ „Одѣ“, написанной по случаю поль-

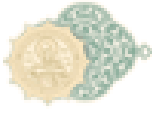

скаго мятежа (1831 г.), Хомяковъ негодуеъ на Западъ, вручившій славянскимъ братьямъ мечъ противъ славянъ, и мечтаетъ о времени, когда славянскіе орлы образуютъ твердый союзъ, но мощную главу склонять предъ старшимъ—Сѣвернымъ орломъ (I, стр. 180). Въ стихотвореніи слѣдующаго (1832) года „Орелъ“ картина шире: Россіи указана высокая миссія—ободрить своимъ призывнымъ голосомъ разсѣянныхъ и порабощенныхъ славянъ, согрѣть ихъ „любовью жаркой“, питать ихъ „пищей силъ духовныхъ“ доколѣ „окрѣпнутъ ихъ крылья и подрастутъ младые когти“ (I, стр. 181). Сама Россія, „красная земля Владиміра“, какъ выражается Хомяковъ, рисуется въ воображеніи поэта землею необъятною, землею внутренней силы, мощи, неисчерпаемаго разума, праваго, неподкупнаго суда (I, стр. 182—183). Это величіе родины выступаетъ еще выразительнѣе при сравненіи съ другими европейскими странами. На Западѣ, по мнѣнію поэта

„Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ“.

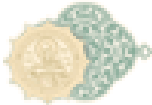
(Стихотвореніе „Мечты“ 1834 г.) Одианъ островъ на западѣ еще приковываетъ вниманіе поэта. Но и эта страна за гордыню и лукавство, за поправленіе церкви Божіей у подножія власти суетной земной должна будетъ по Божію велѣнію уступить свое мѣсто „другой странѣ смиренной, полной вѣры и чудесъ“ (стихотв. „Островъ“ 1836 г.) (I, стр. 216—217). Онъ только боится, какъ бы лесть и похвала ея величію и могуществу не лишили ея высокаго и исключительнаго мірового призванія:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранять племенъ святое братство,
И правду, и безкровный судъ (I, стр. 218).

Значеніе указанныхъ стихотвореній состоитъ и въ томъ, что они являются существеннымъ восполненіемъ біографіи Хомякова за время между 1832—1840 гг. въ виду отсутствія другихъ источниковъ его біографіи, каковы воспоминанія его друзей и собственныя учено-литературныя произведенія Хомякова и его переписка.

На этомъ періодѣ жизни Хомякова и оканчивается его біографія. Съ стр. 236 начинается систематическое обозрѣніе разнообразной дѣятельности Хомякова. Проф. Завитневичъ исчисляетъ до 15 формъ проявленія дѣятельности Хомякова, но замѣчаетъ, что это еще не все, въ чемъ она въ дѣйствительности проявлялась (I, стр. 235). Какъ помѣщикъ, онъ изобрѣтаетъ сѣялку, судьба которой впрочемъ неизвѣстна, — изобрѣлъ катокъ для укатыванія снѣга, очень практичный, но никѣмъ повидимому не принятый, — трудился надъ улучшеніемъ прибора для выгонки сахара изъ свекловицы, именно 35 фунтовъ кристаллическаго сахара изъ 10 пудовъ свекловицы. О плодахъ этихъ опытовъ намъ ничего неизвѣстно. Онъ же открылъ машину съ сугубымъ давленіемъ, названную имъ „безмолвнымъ двигателемъ“, представилъ ее на выставку въ Лондонъ, такъ какъ въ самобытной Россіи не нашлось ея цѣнителей, выхлопоталъ привилегію, по модели сдѣлалъ въ Лондонѣ же самую машину, выпускавшую такой шумъ и раздирательные звуки, что сосѣди, чуть не цѣлый кварталъ, грозили подать жалобу въ парламентъ. „Безмолвнаго двигателя“ пришлось переименовать въ „Московку“, при чемъ машина, имѣвшая дѣйствительное значеніе по новости принципа, осталась безъ практическаго примѣненія. Хомякову принадлежитъ также изобрѣтеніе ружья, которое оказалось очень сильнымъ, пробивало на 500 сажень щитъ четырехъ вершковъ толщины; но въ военномъ вѣдомствѣ изобрѣтеніе не встрѣтило поддержки, отчасти вѣроятно въ слѣдствіе своей тяжеловѣсности: оно вѣсило 22½ фунта, почему было не пригодно для стрѣльбы съ руки.

Какъ бы впрочемъ ни было, по справедливому замѣчанію проф. Завитневича, изобрѣтенія „несомнѣнно свидѣлствуютъ о серьезной научной подготовкѣ ихъ виновника“ (I, стр. 245).

Въ пору страшной холеры 1848 г. Хомяковъ нашелъ себя обязаннымъ вступить съ нею въ борьбу и, опираясь на народную медицину, изобрѣлъ, по его мнѣнію, дѣйствительное средство, добываясь хотя бы повѣрки его опытовъ со стороны тогдашнихъ медиковъ и пришелъ къ выводу, что у насъ и лѣчить и морить можно только по патенту.

Борьба съ холерой была вызвана его положеніемъ, какъ помѣщика. Тоже положеніе неизбежно наталкивало его на самый существенный вопросъ тогдашняго строя русской жизни — освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вопросу этому и тому или иному его рѣшенію Хомяковъ справедливо придавалъ совершенно исключительное значеніе, говорилъ, что при рѣшеніи его ставится на ставку все будущее Россіи. Правительство само понимало важность его. Въ борьбѣ съ польскимъ мятежемъ 1831 года русское правительство обѣщало крестьянамъ свободу отъ помѣщиковъ, но обѣщанія своего не сдержало. По мнѣнію лучшихъ людей того времени это было крупной ошибкой, которую правительство старалось поправить путемъ введенія инвентарей, точнаго опредѣленія отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Система эта не удовлетворила ни помѣщиковъ, ни крестьянъ, а потому еще больше обострила ихъ взаимныя отношенія. Отсюда ясно, что правительство не могло уже идти этимъ путемъ въ рѣшеніи крѣпостного вопроса на сѣверѣ.

Хомяковъ принадлежалъ къ числу немногихъ русскихъ людей, ясно понимавшихъ вредъ крѣпостного права и не только для крестьянъ, но еще больше для помѣщиковъ. Въ способѣ рѣшенія крѣпостного вопроса оказалась существенная разница: одни хотѣли освобожденія крестьянъ лишь личнаго, безъ земли, какъ это освобожденіе совершилось въ западной Европѣ и въ Остзейскомъ краѣ; другіе настаивали на освобожденіи крестьянъ

съ землей. Хомяковъ присоединился къ послѣднимъ и доказывалъ, что по воззрѣнію самихъ крестьянъ земля, на которой они сидятъ и которую обрабатываютъ, принадлежить не только помѣщику, но и имъ,—что освобожденіе безъ земли вызоветъ недовольство правительствомъ и помѣщиками. Самъ онъ лично еще до отмыны крѣпостного права, до которой не дожилъ, отказался отъ барщины и посадилъ крестьянъ на оброкъ послѣ добровольнаго ихъ на то согласія и на условіяхъ, выработанныхъ сообща съ крестьянами. Изложеніемъ воззрѣній Хомякова на общину оканчивается вторая глава сочиненія проф. Завитневича.

Третья глава начинается общей характеристикой научно-теоретическихъ трудовъ Хомякова. Авторъ пользуется для этого выдержкою изъ характеристики А. О. Гильфердинга, лично хорошо знавашаго Хомякова. Гильфердингъ высоко цѣнилъ въ немъ многосторонность, цѣльность и независимость мысли. Обширное знакомство съ западноевропейской наукой повело къ заключенію объ ея односторонности и съ тѣмъ вмѣстѣ къ вѣрѣ, что устранить и восполнить эту односторонность призвана Россія, свободная „отъ тѣхъ предрасудковъ и предубѣжденій, отъ того раздвоенія мысли, наконецъ, отъ той гордости прошлымъ, которые обуславливаютъ односторонность взгляда у западныхъ народовъ“ (I, 367). Эту характеристику проф. Завитневичъ восполняетъ указаніемъ на то, что Хомяковъ, по собственному признанію, не любитъ авторитетовъ (I, 367).

Самый разборъ научно-теоретическихъ трудовъ Хомякова начинается обстоятельнымъ знакомствомъ съ „Семирамидой“ или его Записками о всеобщей исторіи. Работа эта имѣетъ настолько отличительныя особенности, что проф. Завитневичъ считаетъ долгомъ познакомить читателя съ условіями его происхожденія. Дѣло началось съ того, что друзья Хомякова, пораженные обширностью, глубиной и своеобразностью его сужденій по разнымъ вопросамъ міровой исторіи, просили его записывать то, что онъ говорилъ во время совмѣстныхъ дружескихъ собесѣдо-

ваній. Разумѣется, разговоръ въ такихъ случаяхъ не могъ имѣть системы, а потому Хомякову пришлось выработать свою систему, основныя начала міровой исторіи, какъ онъ представлялъ ее, многое долженъ былъ измѣнить, восполнить сравнительно съ говореннымъ.

Хомяковъ рѣшительно недоволенъ существующими трудами западноевропейскихъ ученыхъ по исторіи. Лучшіе труды по его мнѣнію принадлежатъ нѣмецкимъ ученымъ; но и эти ученые страдаютъ односторонностью: то апріорностію построенія, какъ Гегель, то излишнею фактичностью, подавляющею идею. Поэтому Хомяковъ не обинуясь называетъ историческую систему Гегеля безплодною и пустою (I, 392). Въ свою очередь „Англія закована въ цѣпяхъ прошедшаго и въ сухо-ученой односторонности, которая убиваетъ въ ней способность сочувствовать остальному міру и понимать чужую мысль“... „Франція, веселая, остроумная, щеголеватая, вѣчно самодовольная въ своей ученой посредственности и художественномъ ничтожествѣ... требуетъ еще долгихъ и великихъ уроковъ смиренія, прежде чѣмъ въ ней возродится чувство человѣческое, способное понимать человѣческую истину и сочувствовать ей“ (I, стр. 388). Вообще А. С. Хомякова нельзя заподозрить въ излишнемъ смиреніи.

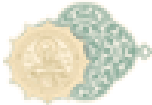
Въ своей исторической системѣ Хомяковъ былъ поборникомъ такъ называемой „исторической школы“. Проф. Завитневичъ готовъ думать, что Хомяковъ былъ даже родоначальникомъ этой школы у насъ на Руси. По крайней мѣрѣ первой работой въ этомъ направленіи онъ называетъ работу ученика Хомякова Д. А. Валужева о мѣстничествѣ, вышедшую въ 1845 году одновременно съ книгою Соловьева „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, но разрѣшенную къ печати еще 27 августа 1844 года. Но проф. Завитневичъ хорошо знаетъ, что ученыя работы исполняются не легко и не быстро, а потому нужно допустить, что сочиненія Валужева и Соловьева писались одновременно и независимо одно отъ другого. Отсюда можно сдѣлать и дальнѣйшее заключеніе, что русская историческая наука,

на ряду съ западно-европейской и не безъ вліянiя послѣдней, дошла послѣдовательно до „исторической школы“. Самъ Хомяковъ съ этимъ направленіемъ историческихъ трудовъ западно-европейскихъ ученыхъ былъ хорошо знакомъ, хотя и не былъ ими удовлетворенъ.

Къ особенностямъ историческихъ приѣмовъ Хомякова относятся и его взгляды на значеніе въ процессѣ работы „чувства поэта и художника“. По его взгляду „ученость можетъ обмануть, остроуміе склоняетъ къ парадоксамъ: чувство художника есть внутреннее чутье истины человѣческой, которое ни обмануть, ни обмануться не можетъ“ (I, стр. 393). Въ этомъ опредѣленіи особаго чутья въ постиженіи сущности и неуловимыхъ особенностей предметовъ и явленій, усвояемаго поэтамъ, несомнѣнно сказалось настроеніе мысли времени и можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ и спорамъ. Внутреннее постиженіе сущности предметовъ и явленій, о которомъ говоритъ Хомяковъ, не составляетъ исключительнаго преимущества поэтовъ, а свойственно всѣмъ людямъ высокаго дарованія, какой-бы области ни была посвящена дѣятельность этихъ избранныхъ. Проф. Завитневичъ, какъ историкъ, хорошо знакомый съ выработанными методами научнаго изслѣдованія, замѣчаетъ, что внутреннее чутье „можетъ понести такой вздоръ, отъ котораго наукѣ не поздоровится (I, стр. 409).

Не ясно для насъ и различіе, которое нашъ авторъ старается установить между „исторической школой“ Хомякова и его противниковъ. Хомяковъ стремился къ уразумѣнію „живыхъ началъ, которыя управляютъ жизнію человѣчества“, (I, стр. 405). Стремленіе это общее, и если съ тѣмъ вмѣстѣ идетъ тщательное изученіе „официальныхъ столбцевъ исторической лѣтописи“, то потому, что тщательнымъ изученіемъ этихъ столбцовъ налѣются если не уразумѣть, то подготовить уразумѣніе живыхъ началъ жизни народовъ и цѣлаго человѣчества.

Особенности пониманія Хомяковымъ задачъ историческаго изслѣдованія рѣшительнымъ образомъ вліяли на его Записки о всеобщей исторіи. Здѣсь кроется причина того, почему онъ мало придавалъ значенія хронологіи; здѣсь же нужно искать объясненія недостаточнаго вниманія къ точнымъ историческимъ даннымъ и, какъ дальнѣйшаго слѣдствія этого, поспѣшности обобщеній.

По мнѣнію Хомякова, истинный предметъ исторіи составляетъ „не дѣла лицъ, не судьбы народовъ, но общее дѣло, жизнь всего человѣчества“, „картина всего человѣчества, раздѣленнаго по высшему признаку его духовнаго развитія“ (I, стр. 432). Этимъ высшимъ признакомъ, основой жизни человѣчества, по мнѣнію того же Хомякова, служитъ религія. „Въ ней будущность его (человѣка), личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірнаго“ (I, стр. 433). Выньте христіанство изъ исторіи Европы и буддизмъ изъ исторіи Азіи, и вы уже не поймете ничего ни въ Европѣ, ни въ Азіи. Этотъ неоспоримый фактъ повторялся съ большею или меньшею силою на цѣломъ земномъ шарѣ въ продолженіе всѣхъ вѣковъ. Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются мѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры“ (I, стр. 433). Оказывается однако, что чистую первоначальную религію въ настоящее время возстановить не возможно. Видно съ тѣмъ вмѣстѣ, что свойства религіи отдѣльныхъ народовъ находятся въ сильной зависимости отъ характера народа, условій его быта и отношеній къ сосѣдямъ. Въ этомъ смыслѣ исторія человѣчества должна оставаться безъ начала. Когда получается возможность различать особенности міровыхъ религій, то среди нихъ выдѣляются два коренныхъ направленія, или начала, называемыя Хомяковымъ иранскимъ и кушитскимъ. Иранское состоитъ въ духовномъ поклоненіи свободно творящему духу и съ тѣмъ вмѣстѣ въ единобожіи, кушитское— „въ признаніи вѣчной органической необходимости, производящей въ силу неизбежныхъ логи-

ческих законов... Свобода и необходимость составляют то тайное начало, около котораго въ разныхъ образахъ сосредоточиваются всѣ мысли человѣка“ (I, стр. 445). Родиной кушитства Хомяковъ считаетъ эеюнію. Первобытный характеръ этой религіи — кроткое, но безстыдное повиновение всѣмъ вещественнымъ склонностямъ. Главные отдѣлы его: шиваизмъ — поклоненіе царствующему веществу, и буддизмъ — поклоненіе рабствующему духу, находящему свою свободу только въ самоуничтоженіи (I, стр. 446). — Иранизмъ мѣстомъ происхожденія имѣлъ восточный Иранъ, котораго центръ Кавказско—Арааратская твердыня (I, стр. 447). Это — религія духа, и характеръ ея состоитъ въ строгомъ и гордомъ отчужденіи отъ вещественности, легко переходящемъ въ фанатизмъ, но возвышающемъ и очищающемъ душу отъ чувственныхъ склонностей (I, стр. 448). Из словесныхъ памятниковъ, въ которыхъ иранизмъ нашелъ свое выраженіе, первое мѣсто принадлежитъ письменности Израиля, второе мѣсто памятникамъ браманизма и третье — Зердушта. Хомяковъ думаетъ, что кушитство и иранизмъ имѣли особую систему письма: первое — образную, второе гласовую, т. е. звуковую (I, стр. 448). Отсюда должно заключить, что Хомяковъ наклоненъ былъ считать одну и другую систему письма одинаково древними (I, стр. 449).

Въ своемъ чистомъ видѣ обѣ системы вѣры не удержались, а слились въ разныхъ мѣстахъ путемъ разныхъ уступокъ. Посредствующею системою послужила система эманаций, представляющая „что-то неопредѣленное и безхарактерное, принимающее всякій смыслъ по желанію толкователя. Въ эманации было торжество начала кушитскаго въ формѣ нѣсколько просвѣщенной“ (I, стр. 453). Этотъ взглядъ на сліяніе началъ иранскаго и кушитскаго Хомяковъ прилагаетъ къ Греціи и Риму. На основаніи научнаго мнѣнія о мѣстѣ первоначальнаго поселенія индо-европейскихъ народовъ можно было думать, что религіи Греціи и Рима будутъ воплощеніемъ начала иранскаго. Преданіе Ирана, по мнѣнію Хомякова, дѣйствительно про-

никло сюда, воодушевляло лучшие и благороднейшие умы; но осложнилось началом купитскимъ. Здѣсь „возникло искусство въ чудной полнотѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Купита съ словеснымъ началомъ Ирана“ (I, стр. 455). Еще осязательнѣе господство купитства въ Римѣ. По мнѣнію Хомякова „религіи въ смыслѣ богопознанія или вѣрованія рѣшительно не существовало въ Римѣ при Августѣ“. По мнѣнію лучшихъ римлянъ „религія есть обрядъ государственный, полезный, но исполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ данныхъ для самобытнаго существованія, или правъ на безусловное вѣрованіе“. (I, стр. 461). „Торжество грубо политическаго начала обозначало окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій“ (I, стр. 465). Отсюда невольно возникаетъ вопросъ, во имя чего двигалась бы дальнѣйшая исторія Европы, когда сокрушенная и упраздненная религія перестала бы служить движущимъ началомъ. Но на смѣну древнихъ религій является христіанство. По мнѣнію Хомякова, „міръ ученій иранскаго получилъ свой вѣнецъ въ христіанствѣ и уже вѣтъ его не имѣетъ никакого смысла“ (I, стр. 468). Однако и самъ Хомяковъ понимаетъ, что рядомъ съ религіей существуютъ и другіе направители исторической жизни народовъ. „Римъ и Эллада, воинственная дикость германца и тѣсный бытъ славянской семейственности“, по мнѣнію Хомякова, „имѣли столько же вліянія на исторію новѣйшую, сколько и христіанство“ (I, стр. 471). Если таково было дѣйствіе указанныхъ силъ въ эпоху христіанства; то еще рѣшительнѣе было вліяніе ихъ въ пору язычества. Отсюда произошло то, что съ принятіемъ христіанства, какъ религіи государственной, древній Римъ продолжалъ разсматривать его, какъ учрежденіе, освященное государственнымъ закономъ, какъ явленіе государственное и слѣдовательно подчиненное государству, а не господствующему надъ